

Проблемные аспекты правового регулирования «культуры отмены» в России*

Щеглова Анна Константиновна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; юридический факультет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студентка 4-го курса бакалавриата;

e-mail: ascheglova-21@ranepa.ru

ORCID: 0009-0006-6556-9347.

Научный руководитель:

Кречуняк Георгий Александрович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра политологии и политического управления (Москва, Российская Федерация)

преподаватель кафедры;

e-mail: krechunyak-ga@ranepa.ru

Аннотация

В статье представлена характеристика «культуры отмены» как деструктивного общественного явления, нарушающего основополагающие правовые принципы: презумпцию невиновности, право на доступ к правосудию, свободу мысли и слова, право на труд и творчество и некоторые другие.

Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод, с помощью которого был подробно изучен объект и предмет исследования. При подготовке работы также применялись историко-правовой и формально-логический методы, а также конкретно-социологический, системный и сравнительный анализы.

Такая форма общественного мнения, как «отмена» кого-либо, является прямым основанием для последующей деградации общества, перечеркивая все достижения человечества в области прав и свобод. Выявлена тенденция к развитию «культуры отмены» в России. При этом российское законодательство достаточным образом не успело отреагировать на этот вызов: новые нормы не введены, а существующие не могут быть должным образом реализованы. Причина этого видится в неполном осознании опасности набирающей популярность «культуры отмены» и несерьезным отношением людей к ее последствиям. Об этом, в частности, свидетельствует практически полное отсутствие судебного вмешательства в наиболее резонансные случаи «культуры отмены».

В статье проанализировано действующее административное и уголовное законодательство Российской Федерации на предмет определения подходящих механизмов борьбы с «культурой отмены», предложены варианты дополнения законодательства для обеспечения правовой защиты личности от негативных последствий «культуры отмены», что может быть использовано в правоприменительной, законотворческой и правозащитной деятельности, а также при дальнейших научных исследованиях по данному и смежным вопросам.

Ключевые слова: культура отмены; кэнселлинг; права и свободы человека; институт репутации; презумпция невиновности; самосуд; травля; вигилантизм.

* Статья подготовлена в рамках участия в программе обучения молодых исследователей «Научный код» (Президентская академия, 2023–2024 уч. год). Результаты обучения были представлены на Молодежной секции научной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего», состоявшейся 20–21 мая 2024 года.

Problematic Aspects of the Legal Regulation of the «Cancel Culture» in Russia**

Anna K. Shcheglova, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of Law (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: ascheglova-21@ranepa.ru

ORCID: 0009-0006-6556-9347.

Academic Supervisor:

Georgy A. Krechunyak, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of Political Science and Political Management (Moscow, Russian Federation)

teacher of the Department;

e-mail: krechunyak-ga@ranepa.ru

Abstract

The paper presents the characteristics of ‘cancellation culture’ as a destructive social phenomenon violating the fundamental legal principles: the presumption of innocence, the right to the access to justice, freedom of thought and speech, the right to labor and creativity and some others.

The methodological framework of the study is based on the universal scholarly dialectical method, which was implemented for the detailed analysis of the object and subject of the study. The research also involved the application of historical-legal and formal-logical methods, as well as concrete-sociological, systemic and comparative analyses.

Such form has been shown as an obvious foundation for subsequent degradation of society, negating all the achievements of mankind in the realm of rights and freedoms. The trend has been identified towards the development of ‘cancellation culture’ in Russia. At the same time, Russian legislation has not had enough time to respond to this challenge: new norms have not been introduced, and the existing ones cannot be properly implemented. The reason for this is believed to be a lack of awareness of the danger of the ‘cancellation culture’ gaining popularity and people’s somewhat frivolous attitude to its consequences. This is evidenced, in particular, by the almost complete absence of judicial intervention in the most high-profile cases of the ‘cancellation culture’.

The paper analyzes the current administrative and criminal legislation of the Russian Federation to identify appropriate mechanisms to combat the «cancel culture». The author suggests the solutions for supplementing legislation to ensure legal protection of individuals from the negative effects of the «cancel culture» to be employed in law enforcement, legislative and human rights activities, as well as in further academic research into this issue as well as some related problems.

Keywords: cancel culture; canceling; human rights and freedoms; the institution of reputation; the presumption of innocence; lynching; bullying; vigilantism.

** The article was produced within the framework of participation in the training program for young researchers “Academic Code” of the Presidential Academy (2023–2024 academic year), the results of having been presented at the Youth Section of the Scientific Conference Session “Public Administration and Development of Russia: New Horizons and Image of the Future” held on 20–21 May 2024.”

ВВЕДЕНИЕ

«Культура отмены», иначе кэнселинг (от англ. “cancel” — отмена) или травля, как социальное явление многолико и способно обращаться не только к конкретным людям, но и к таким обширным социальным группам, как народы и государства. Так, согласно опросам ВЦИОМ, 42 % российских граждан ощущают политическую «отмену» России западными странами, а 11 % сталкивались с ней лично¹. Наиболее ярко «личностная отмена» проявляется по отношению к публичным людям: общественное забвение с последующими сложностями в трудоустройстве и потере значимых регалий касалось таких известных людей, как американский актер Джонни Депп, российская телеведущая Регина Тодоренко, британская писательница Джоан Роулинг и многих других. В современной России единственным, кто имеет право осуществлять правосудие и признавать кого-либо виновным, является суд², и хотя бы поэтому попытки общества наказать провинившегося без закона и предусмотренного им процесса разбирательства должны пресекаться, в том числе правовыми методами. Более того, «отменяемому лицу» должны быть предоставлены способы защиты от любого обвинения, будь оно обоснованным или нет³.

На сегодняшний день отмечается рост проявлений «культуры отмены» в России. К примеру, в рамках исследования так называемой «новой этики» PBN Hill+Knowlton Strategies и исследовательское агентство MAGRAM Market Research обнаружили, что 67 % опрошенных россиян посчитали отказ от продуктов конкретной компании эффективным способом влияния на ее деятельность, а каждый третий опрошенный россиянин применял на практике данную меру⁴. Результаты попыток оценить рост «личностной отмены» в свободном доступе не представлены, однако и без социологического опроса можно вспомнить громкие случаи травли известных людей. К примеру, футболист Артем Дзюба за всплывшие в Интернете подробности его интимной жизни и телеведущая Регина Тодоренко за неаккуратную фразу, произнесенную в онлайн-трансляции, едва не лишились карьеры. Подобные примеры внеправового воздействия за деяния, не являющиеся наказуемыми в соответствии с российским законодательством, свидетельствуют о серьезнейших нарушениях прав человека, поскольку игнорируются основополагающие правовые принципы: презумпции невиновности, законности, справедливости наказания и возможности наложения его только уполномоченными на то субъектами [10, с. 109]. Более того, объем наказания также устанавливается исключительно судебной властью, а потому «общественная нагрузка» в виде расторжения контрактов, профессионального бойкота, другого воспрепятствования нормальной жизнедеятельности человека вдобавок к установленной в законе санкции чрезмерна и должна быть облечена в правовые рамки. Последствия «отмены» часто не сопоставимы с деянием осуждаемого лица: из-за неосторожной фразы человек может лишиться профессии, друзей, приобретенных за всю жизнь регалий. И всё это происходит без государственной санкции, хотя именно государству, согласно договорной теории возникновения государства, общество когда-то делегировало разрешение споров и установление общеобязательных правил для нормализации межличностных отношений.

¹ И снова об «отмене России» // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/i-snova-ob-otmene-rossii>

² Ст. 118 Конституции Российской Федерации: принятой всенародным голосованием 12.12.1993 [с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

³ См. там же, ст. 45.

⁴ Более 60 % россиян готовы к новой этике // <https://www.sostav.ru/publication/kultura-otmeny-50888.html>

Дискуссионным остается вопрос о том, что представляет из себя такое поведение общества — утверждение закона или вызов ему? С точки зрения социологической концепции права весьма справедливым кажется аргумент о наибольшей эффективности законов, исходящих от народа, а значит, и признание законными действий, поддерживаемых обществом. Позитивисты считают иначе, указывая на то, что не может быть достигнут правопорядок путем нарушения закона, принятого легитимной и легальной властью, которая и избиралась обществом для принятия законов [17, с. 1227]. Вероятно, можно найти множество аргументов, оправдывающих действия приверженцев «культуры отмены», для оценки которых, однако, необходимо в большей степени рассматривать их результат. Он же, в свою очередь, чаще всего представляет собой нарушение основополагающих, а значит, одобренных обществом, прав. Не стоит забывать и о том, что невозможна консолидация всего общества — всегда найдутся люди с иным мнением. Соответственно, принятие обществом единого решения неосуществимо [19, с. 5–6], а предлагаемые государством механизмы участия населения в отправлении правосудия (например, посредством суда присяжных) не считаются достаточными и отвергаются [7, с. 265].

Ряд отечественных исследователей действительно придает кэнселингу характер противодействия интересов различных социальных групп [8, с. 249] и борьбы за определенную точку зрения [12, с. 37], что несколько нейтрализует его негативные оценки. Однако «культура отмены» на то и культура, что формирует у современных людей положительное отношение к решению социальных конфликтов путем травли, что постепенно может стать нормой регулирования общественных отношений. Последнее, в свою очередь, представляется огромным «шагом назад» в достижениях приверженцев естественного права, а потому «культура отмена» рассматривается нами как негативное явление.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод познания, наряду с которым широко применялся историко-правовой, конкретно-социологический, а также формально-логический и системно-структурный методы.

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Исследователи предлагают различные подходы к пониманию «культуры отмены», однако многие сходятся во мнении, что как явление она преследует человечество практически с начала его существования — в форме реакции общества на деяния, которые по каким-либо причинам носят в глазах большей части его представителей негативный характер. По мере усложнения общественных отношений часть таких действий (бездействий) будут урегулированы правовыми нормами и выйдут из сферы влияния общественности, став прерогативой государства. С этого момента общество будет использовать внеправовые механизмы влияния на тех людей, которые не соответствуют нормам этики, то есть чье поведение представляет опасность для ценностей данного общества. В связи с этим не все рассматривают кэнселинг как исключительно негативное явление, ведь урегулировать правовыми нормами все общественные отношения невозможно, и, таким образом, социум самостоятельно и вполне естественно устраняет то, что нарушает «нормальное» его состояние или угрожает его существованию. Так, в современной трактовке «культура отмены» определяется как «рычаг давления» на лиц и объединения, имеющие высокий социальный статус, тем самым привлекая их к ответственности путем публичного осуждения [6, с. 586] и действуя при этом в формате «жесткой силы» [11, с. 53].

Кэнселинг также рассматривается в качестве способа предотвращения серьезных последствий аморального поведения [14, с. 37]. Рассматривается «культура отмены» и как способ разрушения репутации отдельных личностей, продвижение новых ценностей и «оружие» в информационных войнах [2, с. 164], в том числе в качестве политического инструмента. Природа же социальных сетей позволяет людям объединяться на фоне резонансных случаев нарушения каких-либо социальных норм, обеспечивая анонимность их действий и ощущение практически полной безнаказанности.

Некоторые проявления «культуры отмены» рассматриваются исследователями и как своеобразная форма доноса граждан о совершенном, по их мнению, правонарушении, обращенная к государству с целью принятия последним соответствующих мер [16, с. 201]. То есть «культура отмены» способна выступать своеобразным способом участия граждан в государственном управлении посредством повышения осведомленности о произошедшем инциденте.

Мы же соглашаемся с мнениями авторов, считающих, что современный облик «культуры отмены» становится всё больше схож с травлей за вполне правомерные высказывания [1, с. 15], которые если и считаются аморальными, то только в отдельных социальных группах.

С юридической точки зрения «культуру отмены» можно представить как *внеправовой инструмент, представляющий собой возложение на лицо обязанности претерпевать неблагоприятные последствия за совершенное им деяние, выраженное в нарушении неформальных норм, и характеризующийся произвольной интерпретацией при отсутствии выработанных процессуальных правил*. И именно с позиций права «культура отмены» представляется наиболее деструктивной, поскольку нарушаются основополагающие права личности — достижение человечества, к которому оно шло веками. Так, отказ от смертной казни в большинстве стран мира считается высшим проявлением гуманизма, так как признается ценность человеческой жизни в ее биологическом значении. Для человека же не менее важна его социальная жизнь, которой, подобно действию смертной казни, лишается «отмененная» жертва, иначе говоря, происходит «социальная казнь». Как известно, любое государство наказывает лиц, совершивших убийство, если только они не наделены соответствующими полномочиями экзекутора. Если уж поступок человека достоин высшей меры наказания, его приводят в исполнение государственные органы. Получается, «культуру отмены», если она не инициирована самим государством, возможно рассматривать как «социальное» убийство, то есть нечто неправомерное и требующее вмешательства уголовного закона.

Обратимся к истории вопроса. Считается, что термин «культура отмены» зародился еще в 1990-е годы, однако особую популярность приобрел с 2017 года с началом кампании #metoo, связанной с обвинениями кинопродюсера Харви Ванштейна в сексуальных домогательствах, позже — в связи с деятельностью движения “BLM” [9, С. 40], получив распространение во многом благодаря интернет-технологиям. Вообще следует сказать, что многие формы общественной расправы зародились и активно применялись именно в США (например, суд Линча, виджилантизм и др.), возможно, именно поэтому современное течение, с которым «отмена» людей возродилась в новом виде, пришло оттуда. Сегодня во многих странах, в том числе и в США, распространена деятельность «цифровых мстителей» (“digital vigilantes”), иначе — вигилантов, то есть граждан, которые берут обеспечение правопорядка в свои руки, игнорируя тем самым существующую в стране систему правоохранительных органов и их работу, которая, по мнению таких лиц, недостаточно эффективна. Они так же, как и компетентные органы, собирают доказательственную базу, используя при этом, как правило, информацию из социальных сетей, публикуют ее на всеобщее обозрение, однако не руководствуются в своей деятельности

выработанными в юридической науке и практике методами расследования правонарушений [17, С. 25]. Это способно привести не только к некачественным, что в большинстве случаев означает — несправедливым и ложным, выводам, но и к нарушению права на частную жизнь лица, которое защищается при проведении расследования государственными органами.

Указанное выше не значит, что кэнселинг изначально характерен только для США. Например, в древнегреческом обществе практиковался остракизм, в средневековой Европе — различного рода «предания анафеме», в истории России присутствовал такой прообраз «культуры отмены», как солдатский и матросский самосуд. В современной России также есть представители вигилантских движений, например, «Лев против», борющееся с распитием спиртных напитков и курением в общественных местах; «Хрюши против», занимающееся контролем качества продуктов в магазине и на рынках [4, с. 124], и некоторые другие. Несмотря на очевидную общественно полезную цель указанных движений, некоторые из них в своей деятельности использовали насилие (в частности, распыление перцовых баллончиков), а также изъятие и уничтожение чужого имущества, что не может быть рассмотрено как правомерное участие общества в борьбе с правонарушениями.

При всем этом было бы неправильно отрицать значительную роль американского общества в распространении и популяризации таких методов выражения общественного мнения, как «отмена». Появление так называемой «новой этики» и ее распространение на территории СНГ связывают именно с процессами, происходящими в западных странах [5, с. 91]. Этот факт придает особую значимость зарубежному опыту при выборе средств для нейтрализации негативных проявлений кэнселинга в России, тем не менее ориентироваться исключительно на него не стоит ввиду специфики общественных отношений в каждой стране. Так, следует вспомнить, что попытка легализации социального неодобрения, которое, в свою очередь, служило идеологическим целям, была предпринята при создании «товарищеских судов» в СССР. Возрождение данного института, несмотря на присутствие некоторых его неоспоримых достоинств, невозможно в современной России, заявившей о себе как о демократическом и правовом государстве. Отечественные исследователи предлагают и иные способы урегулирования общественного мнения. Так, Ю. Д. Щипун считает эффективным способом «нейтрализации» негативных проявлений кэнселинга принятие ряда этических кодексов [15, с. 260]. С нашей точки зрения, это, безусловно, облегчило бы правоприменительную практику, поскольку перестал бы стоять вопрос о том, что соответствует нормам морали, а что нет. Однако формализация моральных норм, во-первых, автоматически превращает их в правовые, а во-вторых, невозможна в современной России ввиду большой вариативности представлений о нравственности.

Таким образом, «культуру отмены» можно определить как попытку общества вернуть себе часть делегированных государству полномочий в сфере определения обязательных правил поведения и наказания за их неисполнение, что подтверждается в том числе распространением практики самосуда и смежных социальных явлений в периоды ослабления ресурсов государственной власти (во время революций, гражданских войн, иной внутренней нестабильности). Между тем такие попытки ставят под угрозу существование самого государства, нарушают стабильность его функционирования, сообразованного с разработанными веками политико-правовыми конструкциями наиболее справедливо-го разрешения возникающих в обществе споров и разногласий. В связи с этим ставится под сомнение эффективность действующих механизмов участия граждан в осуществлении государственных функций (осуществления правосудия и уголовного преследования, применения иных мер публичного принуждения), потому как очевидна неудовлетворенность современного общества действующими моделями.

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В ПЛОСКОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТРАСЛЕЙ

Несмотря на назревший кризис в отношениях человек – государство, хаотичное, неурегулированное «вмешательство» в согласованный порядок реализации государственными органами возложенных на них полномочий по-прежнему не только препятствует их нормальному функционированию, но и, нарушая установленную процедуру, умаляет основополагающие права личности. Указанное требует правовой оценки, при этом в зависимости от конкретного проявления «культуры отмены» действие (бездействие) лица можно квалифицировать по-разному. Отметим только, что у всех составов будет схожий объект — репутация физического или юридического лица, субъективная сторона — умысел, объективная сторона — действие.

Общественная опасность, то есть фактический или потенциальный вред от правонарушения, выступает критерием разграничения действия уголовного и административного закона. Применительно к «культуре отмены» следует сказать, что в долгосрочной перспективе любое ее проявление опасно для сохранения того уровня развития общественных отношений, на котором человечество находится сейчас. Иначе говоря, кэнселинг выступает детерминантой общественной деградации, поскольку правовые способы разрешения конфликтов с выработанными тысячелетиями механизмами защиты отдельно взятой личности заменяются беспорядочными, зачастую несправедливыми последствиями возмущения толпы [3, с. 17].

Рассматривая общественную опасность кэнселинга в узком смысле, мы должны отметить, что проявления «культуры отмены» нарушают основополагающие права человека, закрепленные в Конституции РФ. Полагаем, что составы менее опасных деяний, представляющих собой проявление «культуры отмены», должны быть закреплены в главе 5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), а более опасных — в главе 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

В частности, предлагается дополнить содержание КоАП РФ и УК РФ составом «Травля»⁵ с разницей в том, что преступлением будет считаться деяние, повлекшее наступление существенного вреда правам и законным интересам граждан (потерю места работы, контрактов на сотрудничество, лишение авторства и др.). Понятие «травля» является обобщающим для всех видов социальных притеснений, включая моббинг, регулирование которого между тем возможно и трудовым законодательством [13, С. 93]. Квалифицирующим признаком данного преступления должно выступать совершение его с использованием сети Интернет, в частности, в виде присоединения к тренду на «отмену». Объективная сторона должна выражаться в личном участии в акции травли, в том числе в виде публичных призывов отказаться от социального взаимодействия с конкретной личностью (организацией) или продуктами их труда (например, путем демонстративного уничтожения предметов, связанных с жертвой), а также фактическими действиями, препятствующими социальному проявлению лица (профессиональный бойкот, запрет творчества лица, лишения авторства и др.).

Говоря о действующем законодательстве, нормы которого могли бы применяться по отношению к некоторым проявлениям «культуры отмены», нельзя не упомянуть «Хулиганство». Так, ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ устанавливает ответственность за мелкое хулиганство — нарушение общественного порядка, под которым понимается, помимо прочего, распространение в информационно-телекоммуникационных сетях информации, «выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общест-

⁵ Примечание: травля рассматривается автором как одна из наиболее популярных форм «культуры отмены».

венную нравственность»⁶. Ответственность за грубое нарушение общественного порядка предусмотрена ст. 213 УК РФ, в том числе таковым признается хулиганство, совершенное «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»⁷, что довольно часто характерно для проявлений кэнселинга. От предложенного нами состава «Хулиганство» отличается основным мотивом, который выражается в виде хулиганских побуждений; лицо же, осуществляющее травлю, может действовать по личному мотиву — желанию восстановить, по его мнению, нарушенную социальную справедливость или наказать за совершение аморального, опять-таки, по его мнению, деяния. Наконец, травля является продолжаемым преступлением, состоящим из ряда тождественных действий преступного характера, объединенных единым умыслом, то есть направленных на достижение своей цели — утраты лицом положительной репутации с вытекающими последствиями в виде препятствий в социальном взаимодействии. Хулиганство, выраженное, например, в оскорблении, может быть эпизодом продолжающейся травли, и в таком случае оно не должно квалифицироваться отдельно.

С другой стороны, принцип экономии уголовной репрессии и административного принуждения заставляет нас дополнительно проверять общественную опасность каждого из рассмотренных нами деяний, которые хоть и содержат признаки преступления, но таковым не являются в силу своей малозначительности. Так, малозначительным деянием может быть признана перепубликация комментария пользователя, содержащего призыв «отменить» конкретное лицо или организацию, иным образом выраженное в пассивной форме одобрение действий лица, осуществляющего травлю, — в том числе путем проставления «лайка».

Полагаем также, что предлагаемый нами состав «Травля» следует относить к преступлениям средней тяжести и к делам частного-публичного обвинения по той причине, что, во-первых, анализ санкций статей главы 19 УК РФ определяет, что наибольшее число преступлений против конституционных прав человека относятся к категории средней тяжести ввиду своего объекта; во-вторых, во внимание берется сложность самостоятельного доказывания обстоятельств уголовного дела без участия правоохранительных органов, а также необходимость определить «существенность» нарушения прав и свобод, что, вероятно, может сделать только более опытный судья, то есть, как презюмируется, судья второго судебного звена, а не мировой судья. В-третьих, дела частного-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, таким образом, лицо, ставшее жертвой кэнселинга, может самостоятельно определить необходимость возбуждения уголовного дела, определив факт нарушения своих прав и свобод и оценив его характер, при этом дела частного-публичного обвинения не подлежат прекращению в связи с примирением.

ВЫВОДЫ

Сегодня «культура отмены» по-прежнему многолика. Выражаясь в массовых акциях травли, она превращается в инструмент борьбы отдельных социальных групп из-за разногласий по отдельным вопросам сосуществования. В ситуациях, когда такие конфликты основаны на разных морально-этических представлениях, их разрешение может

⁶ Ст. 20.1 ч. 3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002.

⁷ П. «б» ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996.

оказаться вне рамок правового регулирования, что, однако, не должно означать полную вседозволенность в выборе способа урегулирования возникшей проблемы.

При этом в России до сих пор отсутствует практика борьбы с «культурой отмены». На наш взгляд, это связано с неполным осознанием опасности набирающей популярность «культуры отмены» и несерьезным отношением людей к ее последствиям в совокупности со сложностью реализации правовых конструкций в силу специфики доказывания события правонарушения и установления виновных лиц. И тем не менее право обязано реагировать на любые факты умаления основополагающих прав и свобод человека, в том числе проявляющиеся под видом «общественного мнения».

Стоит отметить и другую «сторону» кэнселинга, а именно отражение через него потребности общества в большей вовлеченности в государственное управление. В период кризиса общество компенсировало слабость государства «своими руками». На сегодняшний день возрастающее внимание к такому способу разрешения конфликтов, как «отмена» кого-то, помимо прочего, может быть объяснена возрастающим гражданским самосознанием современных людей, которое и приводит к неудовлетворению старыми конструкциями участия в управлении делами государства. Указанная проблема — вызов современным системам государственного управления всех стран мира, потому как и «культура отмены» носит интернациональный характер.

Литература:

1. *Ахмедова, Ю. Д.* Культура отмены и персонификация политического дискурса / Ю. Д. Ахмедова, И. А. Быков // Вестник Кабардино-балкарского государственного университета: журналистика. Образование. Словесность. — 2021. — Т. 1, № 1. — С. 15–26.
2. *Былевский, П. Г.* Феноменологический анализ явления «культура отмены» / П. Г. Былевский, Е. П. Цацкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — № 2 (857). — С. 162–168.
3. *Виноградов, В. А.* Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений / В. А. Виноградов // Журнал российского права. — 2023. — № 27(3). — С. 17–30.
4. *Волкова, А. В.* Гендерное измерение цифрового вигилантизма в России / А. В. Волкова, Г. В. Лукьянова, Т. А. Кулакова // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2022. — № 1. — С. 120–135.
5. *Гусейнов, А. А.* Что нового в «новой этике»? / А. А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. — 2021. — № 58. — С. 91–105.
6. *Киселева, А. Э.* Cancel culture и институт репутации в России / А. Э. Киселева, А. В. Муромская // Молодой ученый. — 2020. — № 48 (338). — С. 585–588.
7. *Коротков, З. А.* Актуальные проблемы деятельности суда присяжных в современных условиях / З. А. Коротков // Молодой ученый. — 2021. — № 48 (390). — С. 265–267.
8. *Костенко, О. В.* Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» / О. В. Костенко // Общество: философия, история, культура. — 2023. — № 5 (109). — С. 248–252.
9. *Кузнецов, Г.* Культура отмены: история и современность / Г. Кузнецов, М. Ступко // Социодиггер. — 2022. — № 3–4 (17). — С. 40–44.
10. *Лисица, К. Э.* «Культура отмены» как форма проявления стигматизации / К. Э. Лисица, В. А. Туркулец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 6. — С. 107–110.
11. *Савельчев, Л. А.* Высшее образование как ресурс «мягкой силы» России в новых геополитических условиях. Часть 1: литературный обзор и постановка проблемы / Л. А. Са-

вельчев // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2023. – Т. 9, № 3 (23). – С. 48–55.

12. *Субботина, М. В.* Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции / М. В. Субботина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 3 (95). – С. 34–37.

13. *Тимофеева, Е. В.* Законодательное регулирование проявлений моббинга: российские правовые реалии и мировой опыт / Е. В. Тимофеева // Administrative Consulting. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 84–96.

14. *Филиппович, Ю. С.* О некоторых особенностях феномена «культура отмены» / Ю. С. Филиппович, Г. С. Стрекалов // Электронный научный журнал «Коллекция гуманитарных исследований». – 2021. – С. 36–41.

15. *Щипун, Ю. Д.* «Культура отмены» в России и США: сравнительное исследование / Ю. Д. Щипун // Материалы научного мероприятия «Дни студенческой науки». Хабаровск, 2021. – С. 257–260.

16. *Trottier D.* (2019) Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism/ D. Troitter // Global Crime. – Pp. 196–212. (In English) DOI: 10.1080/17440572.2019.1591952

17. *Haskel S.* (2021) *Cancel Culture: A Qualitative Analysis of the Social Media Practice of Canceling* / S. Haskel // Boise State University. — P. 110. (In English)

18. *Hine K. D.* (1998) Vigilantism revisited: an economic analysis of the law of extrajudicial self-help or why can't dick shoot henry for stealing jane's truck? / K. D. Hine // American University Law Review 47. — No. 5 (June 1998). — Pp. 1221–1255. (In English)

19. *Kantor A.* (2010) “Understanding vigilantism” in Informal security providers and Security Sector Reform in Liberia // A. Kantor, M. Persson / Stockholm: Folke Bernadotte Akademin. — P. 39. (In English)

References:

1. Akhmedova Yu. D. The cancel culture and the personification of political discourse / Yu. D. Akhmedova, I. A. Bykov // Bulletin of Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature. – 2021. – Vol. 1, No. 1. – Pp. 15–26.

2. Bylevsky P. G. Phenomenological analysis of the phenomenon of “culture of cancellation” / P. G. Bylevsky, E. P. Tsatskina // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2022. – No. 2 (857). – Pp. 162–168.

3. Vinogradov V. A. Analysis of the phenomenon of “cancel culture” as a tool for regulating public relations / V. A. Vinogradov // Journal of Russian Law. – 2023. – № 27(3). – Pp. 17–30.

4. Volkova A.V. The gender dimension of digital vigilantism in Russia / A.V. Volkova, G. V. Lukyanova, T. A. Kulakova // Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science. – 2022. – No. 1. – Pp. 120–135.

5. Huseynov A. A. What is new in the “new ethics”? / A. A. Huseynov // Vedomosti of Applied Ethics. – 2021. – No. 58. – Pp. 91–105.

6. Kiseleva A. E. The cancel culture and the Institute of the Republic in Russia / A. E. Kiseleva, A.V. Muromskaya // Young teacher. – 2020. – No. 48 (338). – Pp. 585–588.

7. Korotkov Z. A. Actual problems of the jury trial in modern conditions / Z. A. Korotkov // Young scientist. – 2021. – No. 48 (390). – Pp. 265–267.

8. Kostenko O. V. Historical and philosophical prerequisites for the formation of the concept of “cancel culture” / O. V. Kostenko // Society: philosophy, history, culture. – 2023. – No. 5 (109). – Pp. 248–252.

9. Kuznetsov G. Cancel culture: history and modernity / G. Kuznetsov, M. Stupko // Sociodigger. – 2022. – No. 3–4 (17). – Pp. 40-44.
10. Lisitsa K. E. “Cancel culture” as a form of stigmatization / K. E. Lisitsa, V. A. Turkulets // Humanitarian, social-Economic and social sciences. – 2022. – No. 6. – Pp. 107–110.
11. Savelchev L. A. Higher education as a resource of Russia’s “soft power” in new geopolitical conditions. Part 1: Literary review and problem statement / L. A. Savelchev // Novelty. Experiment. Tradition (N.E.). – 2023. – Vol. 9, No. 3 (23). – Pp. 48–55.
12. Subbotina M. V. Cancel culture: a manifestation of social justice or a new tool of manipulation / M. V. Subbotina // Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2022. – No. 3 (95). – Pp. 34–37.
13. Timokheeva E. V. Secret regulation of mobbing activities: Russian authorities and world experience / E. V. Timokheeva // Management consulting. – 2021. – Vol. 7, No. 2. – Pp. 4–96.
14. Filippovich Yu. S. About some the peculiarities of the phenomenon of “cancel culture” / Yu. S. Filippovich, G. S. Strekalov // Electronic scientific journal “Collection of Humanitarian Studies”. – 2021. – Pp. 36–41.
15. Shchipun Yu. D. “Cancel culture” in Russia and the USA: a comparative study / Yu. D. Shchipun // Materials of the scientific event “Days of Student Science”. Khabarovsk, 2021. – Pp. 257–260.
16. Trottier D. (2019) Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism/ D. Troitter // Global Crime. — Pp. 196–212. (In English) DOI: 10.1080/17440572.2019.1591952
17. Haskel S. (2021) Cancel Culture: A Qualitative Analysis of the Social Media Practice of Canceling / S. Haskel // Boise State University. — P. 110. (In English)
18. Hine K. D. (1998) Vigilantism revisited: an economic analysis of the law of extrajudicial self-help or why can’t dick shoot henry for stealing jane’s truck? / K. D. Hine // American University Law Review 47. — No. 5 (June 1998). — Pp. 1221–1255. (In English)
19. Kantor A. (2010) “Understanding vigilantism” in Informal security providers and Security Sector Reform in Liberia // A. Kantor, M. Persson / Stockholm: Folke Bernadotte Akademin. — P. 39. (In English)

Для цитирования / For citation:

Щеглова А. К. Проблемные аспекты правового регулирования «культуры отмены» в России // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 102–112.